

ПОНЯТИЯ «ЛЮБОВЬ» И «ДРУЖБА» В РОМАНЕ А. ПЛАТОНОВА «ЧЕВЕНГУР»

В. Н. Гуреев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 декабря 2019 г.

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о художественном исследовании А. Платоновым в романе «Чевенгур» классового подхода к проблемам любви и дружбы в советском обществе в 20-е годы XX века.

Ключевые слова: тема любви в литературе; тема дружбы в литературе; классовый подход к понятиям «любовь» и «дружба»; тема любви в творчестве А. Платонова.

Abstract: the article deals with the question of A. Platonov's artistic study of the class approach to the problems of love and friendship in Soviet society in the 20s of the XX century in the novel "Chevengur".

Keywords: theme of love in literature; theme of friendship in literature; class approach to the concepts of "love" and "friendship"; theme of love in the works of A. Platonov.

В романе А. Платонова «Чевенгур» слова «любовь» и «дружба», а также производные от них являются, пожалуй, одними из наиболее частотных. Стоит, однако, разобраться, какой смысл несут они в себе в каждом конкретном случае.

Как известно, любовная проблематика активно разрабатывалась русской философской мыслью начала XX в. и широко обсуждалась в обществе. И вне зависимости от того, довелось ли А. Платонову непосредственно прочесть работы Вл. Соловьёва, Н. Бердяева, Н. Фёдорова и др., остаться в полном неведении от результатов их исканий молодой писатель никак не мог. И хотя далеко не все идеи, например, религиозного философа Н. Бердяева могли быть безоговорочно приняты А. Платоновым 20-х годов, тем не менее, их следы в платоновском творчестве прослеживаются.

Отводя любви исключительно важную роль в нравственном становлении человека, Вл. Соловьёв в статье «Смысл любви» указывал на изначально присущий индивиду эгоизм и склонность признавать только за собой безусловно значимый центр. «Есть только одна сила, которая может изнутри, в корне, подорвать эгоизм, и действительно его подрывает, именно любовь, и главным образом любовь половая» [1, 34]. «Смысл и достоинство любви как чувства, — заключал из этого Вл. Соловьёв, — состоит в том, что она заставляет нас действительно всем нашим существом признать за другим то, безусловно, центральное значение, которое в силу эгоизма мы ощущаем только в самих себе. Любовь важна не как одно из наших чувств, а как перенесение всего нашего жизненного интереса из себя в другое, как пе-

рестановка самого центра нашей личной жизни» [1, 38]. В «Чевенгуре» эти идеи отчётливо просматриваются, например, при изображении отношения Кирея к Груше: «Себя Кирей не считал дорогим человеком, потому что самые скрытые и нежные части его тела перешли внутрь Груши» [2, 394]. Под «самым лучшим» и «нежным» здесь надо понимать сердце. А главный смысл сказанного в том, что ценность Груши для Кирея становится выше его собственной личности. Но именно в этом — в преодолении через любовь собственного эгоизма — и усматривал смысл любви Вл. Соловьёв.

Ещё более несомненным представляется влияние на А. Платонова идей Л. Фейербаха, труды которого в новых переводах начали активно издаваться с начала 20-х годов. Благодаря расширительному толкованию любви Фейербах превратил «любовь» едва ли не в главную социологическую категорию. Он обожествлял самого человека, как и отношения людей между собой, выводя эти отношения из потребности людей друг в друге, из их взаимной нужды (в том числе и в смысле половой любви). А на эти отношения он накладывал как производные вообще потребности людей в общении и совместной деятельности. Мысль Фейербаха сводилась к тому, что пусть пока ещё дело обстоит так далеко не всюду, но надо добиться того, чтобы был «человек человеку бог» [3, 308]. Здесь речь идёт уже не о любви, но о дружбе всех людей между собой, об общечеловеческом их единении, которые он, Фейербах, называет «коммунизмом». Эти идеи во многом были близки А. Платонову тех лет.

Традиционно с понятием «любовь» связывают прежде всего духовное и физическое влечение к представителям противоположного пола. По классифика-

ции, сложившейся ещё в античную эпоху, такой тип любви получил название *эрос*. И не случайно в романе А. Платонова эротической любви уделено немало внимания (особенно в связи с образами Саши Дванова, Сербинова, Кирея и отчасти — Чепурного).

В романе затрагиваются различные аспекты проблемы эротической любви, начиная с неумения подчас просто даже выразить возникшие чувства. Саша при восприятии подросшей Сони Мандровой начинает смутно осознавать зарождение у него физического влечения к девушке. Однако заговорить о своей любви с Соней или даже просто признаться в этом самому себе у Саши не хватает духу. Немалые затруднения испытывает и Захар Павлович при необходимости вести разговор о половых взаимоотношениях. Провожая Сашу Дванова в партийную командировку в Новохопёрск и прощаясь с ним на вокзале, «Захар Павлович сказал стесняющимся голосом предупредительные слова» [2, 83] о любви. При этом оба испытывают смущение. Тема кажется в чём-то постыдной, и открыто говорить об этом герои А. Платонова стесняются. Для них оказывается в принципе невозможным пользоваться теми легковесными словами о любви из дешёвого бульварного романа, который читает Захар Павлович.

Между тем сильное эротическое чувство порождает кипучую энергию. Оно рождает желание Саши взять Соню на руки и уйти с ней вперёд — навстречу ярким жизненным впечатлениям.

Подверженный любовному чувству может совершать порой нелепые, необъяснимые поступки (достаточно вспомнить простыню, украденную Сербиновым из квартиры Сони Мандровой) [2, 361]. До встречи с Соней Мандровой Сербинов отождествлял любовь исключительно с физической близостью. «Всё было заранее благоустроено: любовь идёт в виде факта, в виде определённого ограниченного вещества, чтобы ей возможно было свершиться и закончиться. Сербинов отказывал любви не только в идее, но даже в чувстве, он считал любовь одним округлённым телом, об ней даже думать нельзя, потому что тело любимого человека создано для забвения дум и чувств, для безмолвного труда любви и смертельного утомления: утомление и есть единственное утешение в любви» [2, 357]. Но постепенно Сербинов начинает осознавать зарождающееся в нём чувство к Соне Мандровой, которое захватывает его со всё большей силой и безжалостно ставит перед выбором между любовной страстью и необходимостью «быть преданным и доверчивым к своему обычному, революционному делу» [2, 357].

Даже такого человека, как Чепурный, тоска по Клавдюше заставляет совершить сентиментальный жест: во время купания в реке Чепурный нарвал букет цветов. «Это он сделал для Клавдюши, которой мало владел, но тем более питал к ней озабоченную нежность» [2, 227].

В самых опасных ситуациях, даже в момент расставания с жизнью герои А. Платонова мыслями своими обращаются к самому светлому и чистому чувству, которое было в их жизни. Не о коммунизме и даже не о товарищеской солидарности, а о любимых женщинах вспоминают в последний миг Сербинов, Кирей, Копёнкин и раненный в ногу Саша Дванов, дожидаящийся следующей (уже смертельной) пули Никитка.

Помимо любви-эроса существуют и другие виды любви, некоторые из которых также представлены в «Чевенгуре». Отношение Захара Павловича к своему приёмному сыну Саше Дванову как нельзя лучше иллюстрирует тип любви, обозначаемый греческим словом *стóрге*. Это бескорыстное нежное чувство, возникающее у людей, связанных родственными связями — в первую очередь, родительской и сыновней любовью.

Между героями романа порой возникает также сильная взаимная симпатия, основанная на общности убеждений и жизненных целей (например, между Копёнкиным и Сашей Двановым). Подобное чувство тоже может быть классифицировано как любовь. В древнегреческом языке для его обозначения использовалось слово *агапэ*.

В «Чевенгуре» во многом отразились взгляды на любовь, вызванные конкретной исторической эпохой. Суровое революционное время требовало отречения от индивидуальных устремлений, включая любовные страсти, которые расценивались как нерациональное расходование сил. А все духовные и физические силы в этот момент должны были быть направлены на решение лишь одной задачи — задачи коренного преобразования мира. Как известно, «молодой Платонов был открытым сторонником претворения половой энергии в творческие силы и видел в этом один из способов вырваться из природной круговерти к бессмертному типу бытия, к высшему Человеку, в котором дух управляет материей» [4, 135]. Именно этим объясняется поступок Саши Дванова, который уходит от Сони Мандровой, заставив себя во имя революционной необходимости отказаться от власти личных чувств.

Вместо эротического чувства с его физическим влечением настойчиво внедряется идея чисто платонического наслаждения красотой эротических объектов. Рассматривая колоннаду из трёх женских фигур, Саша Дванов радуется, что красивые ноги пошли «в обаяние, а не в размножение», что «безобразное живое обратилось в бесчувственно прекрасное» [2, 153–154]. Но при всём при том герои А. Платонова отнюдь не евнухи и не импотенты. Плотское влечение им не чуждо, некоторые из них (Дванов, Кирей, Сербинов) вступают в физическую близость с женщинами. Даже Копёнкин, впервые увидевший Клавдюшу, «ощутил, что если б он парнем был, то такую обнял и держал бы долгое время неподвижно» [2, 217].

Однако уже ощутимо дают о себе знать аскетические нормы, утверждающиеся в обществе. Размышляя о проблемах нового быта и любви при коммунизме, председатель ревкома деревни Ханские Дворики Фёдор Достоевский в своём воображении рисует то, как при социализме в него начнут влюбляться девушки-партийки, которые «из-за дисциплины не могут сознаться, а мучаются молча в порядке сознательности» [2, 137], поскольку в соответствии с нормами партийной этики отношения между членами партии разного пола должны быть сугубо товарищескими, а не любовными.

Всё ощутимее фактор социального происхождения становится более значимым, нежели деление людей по половому признаку. Показательно, что контингент женщин, привезённых Прокофием Двановым в Чевенгур, был таков, что годились они большей частью лишь на роль матерей или младших сестёр, но отнюдь не жён. Исключение составляла разве что Груша.

В то же время слово «любовь» активно присутствует в исканиях платоновских героев. Примечательно, что в их числе — прочитавший в газете статью о кооперации и ставший после этого ярким поборником кооперативного движения Алексей Алексеевич Полюбезьев, который прежде «лишь боялся социализма», но, после того, как социализм назвался кооперацией, «сердечно полюбил его». В Чевенгур он отправился «во имя кооперативного единения людей и деловой любви между ними» [2, 208]. Под «деловой любовью» понималось плодотворное партнёрское сотрудничество людей, объединённых какой-то конкретной производственной деятельностью. Занятие же общим делом сплачивает людей и побуждает их воспринимать своих соратников в качестве близких по духу и даже *любимых* людей. В древнегреческой традиции такому типу отношений, напомним, соответствовало понятие *σῶβρε*.

К сожалению, устремления Полюбезьева не находят должной поддержки чевенгурцев, поскольку задача «производства имущества» не ставится ими во главу угла.

Однако аскетизм эпохи требовал противовеса. И в качестве ответной реакции на суровую действительность у людей появляется потребность в душевной теплоте, в возможности любить и быть любимым. Они хотят иметь семейный уют и теплоту близкого человека. И эта тенденция начинает тревожить политическое руководство. С особой отчётливостью это звучит в словах Прокофия Дванова: «И каждый гражданин поскорее хочет исполнять свои чувства, чтобы меньше чувствовать себя от мученья. Но так на них не наготовишься — сегодня ему имущество давай, завтра жену, потом счастья круглые сутки, — это и история не управится» [2, 330]. Личные интересы и устремления способны увести людей в сторону от революционной борьбы, от насущных политиче-

ских задач, «потому что при семье уже ничего не хочется и меньше всего волнуешься в душе, хочется лишь покоя для себя и счастья в будущем — для детей» [2, 324].

Как же удержать человека от «сползания в болото мещанского благополучия» и на чём должны строиться отношения между людьми в обществе коммунистического будущего? В ответах на эти вопросы во многом сказались заблуждения ранней послереволюционной эпохи, от которых не был свободен в ту пору и сам автор «Чевенгура». Слишком сильна была наивная вера в то, что ликвидация частной собственности сразу же, чуть ли не автоматически приведёт к установлению всеобщего равенства неимущих, между которыми установятся самые что ни на есть братские отношения, потому что «когда между людьми находится имущество, то они спокойно тратят силы на заботы об этом имуществе, а когда между людьми ничего нет, то они начинают не расстраиваться и хранить один другого от холода во сне» [2, 282]. Мыслилось, что отсутствие антагонизма между неимущими будет порождать дружбу между ними. (Показательно название коммуны — «Дружба бедняка».) Именно это представлялось самым важным и существенным. В очерке «Че-Че-О», создаваемым одновременно с «Чевенгуром», А. Платонов прямо пишет: «Дружество и есть коммунизм. Он есть как бы напряжённое сочувствие между людьми» [5, 246]. (Здесь просматривается явная перекличка с Л. Фейербахом.)

Но истинная дружба способна обладать столь же большой силой, как и любовь. Не случайно в древнегреческой классификации дружба (обозначаемая словом *φιλία*) воспринималась в одном ряду с другими видами любви. И это не удивительно. «Любое позитивное дружеское отношение к другому человеку как к личности предполагает любовный элемент <...> так что в любом благорасположении можно усмотреть элемент любви» [6, 96].

Однако в 20-е гг. в сознании активных участников революционного процесса начала усиливаться мысль о том, что в обществе будущего отношения дружбы и товарищества (понимаемые исключительно узко классово) должны стать доминирующими, отбросив далеко на задний план все прочие существующие виды любовных отношений. Именно этот тезис взялся рассмотреть А. Платонов и всей логикой развития событий в романе показал, что данная идея не выдерживает проверки жизнью.

С другой стороны, безусловная ценность любви писателем никогда не ставилась под сомнение. «Смысл же любви у Андрея Платонова в том, что в конце концов это она порождает человека и является гарантом его человечности» [7, 37.]. В значительной степени именно любовь стимулирует в человеке лучшие, позитивные начала и способствует оптимизации взаимоотношений в человеческом обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русский Эрос, или Философия любви в России. — М.: Прогресс, 1991. — 448 с.
2. Платонов А. П. Чевенгур: Путешествие с открытым сердцем / А. П. Платонов. — Воронеж: Центр.-Чернозём. кн. изд-во, 1989. — 431 с.
3. Фейербах Л. Избранные философские произведения. — Москва: Госполитиздат, 1955. Т. 2. — 943 с.
4. Семёнова С. «Тайное тайных» Андрея Платонова (Эрос и пол) // Андрей Платонов: Мир творчества. — М.:

Сов. писатель, 1994. — С. 122–153.

5. Платонов А. П. Чутьё правды / А. П. Платонов. — М.: Сов. Россия, 1990. — 462 с.
6. Гильдебранд Д. Метафизика любви: пер. с нем. / Дитрих фон Гильдебранд. — СПб.: Алетейя: Ступени, 1999. — 628 с.
7. Мёрк А. Смысл любви у Платонова / Аудюн Мёрк, Осло // Осуществлённая возможность: А. Платонов и XX век: По материалам III Международных Платоновских чтений. — Воронеж, 2001. С. 30–37.

Воронежский государственный университет

*Гуреев В. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории ли-
тературы и гуманитарных наук*

E-mail: vngureev@mail.ru

Voronezh State University

*Gureev W. N., Candidate of Philology, Associate Professor of
the Department of Russian literature of the XX and XXI centuries,
theory of literature and Humanities.*

E-mail: vngureev@mail.ru